

В отличие от спокойной и нежной телепатии, грубое дыхание задыхающегося Бориса влажно смачивало ухо Бертрама. Каждый раз, когда Борис яростно двигал бёдрами, опухшая плоть слегка вытягивалась вместе с волчьим членом, а затем с хлюпающим звуком снова втыкалась. Сила, с которой отступивший член резко входил, была физически подавляющей. Если бы у Бертрама не было мышц пресса, живот, возможно, выпукло выпирал бы по форме члена.

Но было хорошо. Ощущение того, как эта плоть насильно давит и насилует абсурдную часть, было ужасно головокружительным. Выступающие вены непрерывно царапали и тёрли чувствительные места внутренних стенок, и когда Бертрам не выдерживал и откидывал голову назад, грубый язык облизывал ухо, словно насилуя. Казалось, только от хлюпающих звуков от скопившейся жидкости можно кончить.

Его голова уже была захвачена удовольствием, вспыхивающим, словно фейерверки. Вроде не было склонности к зоофилии, и когда-то думал, что никогда не наступит день, когда будет качать бёдрами, приняв волчий член в зад. Но сейчас, в этот момент, было так ужасно хорошо, что такие мысли даже не приходили.

— Мм, Борис, Бори, с... А, хмм!

[Первую сперму тоже быстро дам. Внутри командира слишком, слишком тепло и приятно сосёт моё...]

Сперма, волчья сперма. Хочу полно съесть в зад. Мозг, захваченный удовольствием артефакта, радовался таким мыслям. Но на этот раз время использования артефакта было не таким долгим, так что, честно говоря, в уголке сердца Бертрама был немного страх перед тем, что произойдёт после эякуляции. Но мозг, парализованный наслаждением, отмахнулся от этого страха как от незначительной проблемы.

— Хорошо, хкк, кхх, а, хорошо...! Борис, сперма, дай сперму...

В бёдра Бориса, прилипшего к Бертраму, плотно вошла сила. Пххх, наконец его член вошёл глубоко, словно пронзая внутренности, и из кончика головки хлынула горячая жидкость.

Когда столько спермы, что можно было подумать, не моча ли это, наполнило живот, Бертрам задрожал от этого страшного ощущения. Продолжает литься. Возможно, из-за высоко поднятых ягодиц, сперма, влитая в живот, казалось, проникала глубже, ещё глубже в кишечник. Под этим углом ни одна капля не прольётся. Нереальный страх охватил, что сперма вся потечёт внутрь, поднимется до желудка и, наконец, извергнется через горло.

Однако перед этим Бертрама охватил более реалистичный страх. Член Бориса, который, вставив до основания и изливая сперму, не двигался ни на миллиметр, внезапно начал набухать и увеличиваться. Узел. Инстинкт зверя - член набухает после эякуляции, чтобы сперма, которую влил, не вытекала наружу.

— Хаа, ух...

Бертрам знал плохую привычку Бориса. После эякуляции делает узел и не думает развязывать. Конечно, с точки зрения удержания спермы лучше не развязывать. Ведь лучше, чтобы жидкость, влитая в живот, оставалась внутри, а не текла наружу, для успокоения артефакта.

Но проблема была в другом. Борис любил двигаться в этом состоянии. Хотя середина набухла и зацепилась за вход, так что нормально не выходит.

[Как минимум, ещё три раза нужно кончить?]

— Нет, не, хм, хаак...!

Чвяк, чвяк, бёдра Бориса снова начали двигаться, и снова мошонка била по ягодицам. Зацепился – так зацепился, член не может полностью выйти – так не может, волк произвольно двигал бёдрами. На этот раз перед глазами Бертрама побелело в другом смысле. Боль. Боль в этот момент, как ни повторяй, не становилась привычной.

— А, нет, хватит. Бори, Борис, ах, не надо, живот, разорвётся, лопнет...!

[Ещё дам, сперму, вам же нравится, когда в таком состоянии много даю...]

Как ни думай, между памятью Бориса и Бертрама, похоже, была разница. Не может же нравиться такой болезненный акт, Бертрам отчаянно качал головой, но движения бёдер Бориса были безжалостными.

Квак, квак, от мучительной боли, словно всё тело топчут сапогом, невольно вырвался крик. От слёз, текущих из обоих глаз, подушка уже стала влажной. Хх, кхх, кхп, с какого-то момента даже стоны боли не выходили как следует. Дыхание прерывалось настолько, что всё тело было придавлено.

Но это было странно.

Пока барахтался в страхе потерять сознание от продолжающейся боли, в какой-то момент внезапно накатило наслаждение, словно тело поднялось.

— А, хаа, мм, хорошо, ах, а, аах...!

То ли артефакт искусственно подстёгивал удовольствие, чтобы получить больше спермы, то ли инстинкт выживания заменял боль от разрывания внутренностей на наслаждение – неизвестно, но теперь ощущение разрывания внутренностей превратилось в удовольствие от сильного трения чувствительных мест. Бертрам начал двигать бёдрами, издавая сладкие стоны.

[Хорошо, командир?]

— Хх, ммм, хик, ещё, хкк, ещё, ещё дай...

[Ещё дам. Сколько угодно раз, буду вливать, пока командир не захочет...]

Может, Борис научился, глядя на этот момент? Ещё до того, как эта мысль промелькнула и ушла из головы, началась вторая эякуляция. Думал, что уже нет места даже для спермы, но нет. Слова Бориса оказались правдой. Живот ещё не был полон, и горячая и липкая сперма снова потекла глубоко внутрь. Когда Борис снова двинул бёдрами, накатило ощущение, словно скопившаяся внутри сперма плескалась и колыхалась.

Чвяк, чпок, чвяк, теперь казалось, что каждый раз, когда Борис двигал бёдрами, внутри живота слышался звук трения спермы. Пока Борис несколько раз изливал сперму, Бертрам, кажется, тоже несколько раз кончил. Кроме того, как вначале Борис надавил членом, даже не трогал член, а кончил только от того, что член с узлом разрывал внутренности.

Иногда извергал липкую или жидкую сперму, а иногда лил, как фонтан, жидкость, похожую на

мочу, но, унесённый волной удовольствия, разрывающего внутренности, плохо помнил. Изначально это был акт, не стоящий запоминания. Важнее было не то, сколько раз кончил, а то, насколько пристрастился к удовольствию и плакал.

[Командир, ха, хорошо, слишком, вы...]

— Кхп, хкк, ха, хаак, кхх, хмм, а...!

Когда уже не было сил держать ягодицы, волк, насilовавший его, с долгим воем излил последнюю сперму. Хотя не говорил, Бертрам знал, что это последнее. Потому что теперь живот действительно был полон и, казалось, больше не было места.

После последней эякуляции Борис больше не двигал членом, а просто тихо обнимал тело Бертрама. Сколько так прошло времени, набухший член медленно вернулся к первоначальному размеру и медленно вышел наружу.

Словно пробка выпала, из раскрытой дыры текла сперма, но Борису было всё равно. Вместо этого он толкнул тело Бертрама, лежащего без движения, словно без сознания, перевернув, и когда его ожерелье вернулось к первоначальному голубому цвету, довольно зарычал.

[Командир.]

—

[Люблю, командир. Вас, вас действительно...]

Борис забрался на Бертрама, который не двигался и только задыхался. На этот раз не для продолжения секса. Уже накормил спермой достаточно, и если продолжить, будет только тяжело обоим, а не приятно.

[Хочу быть рядом с вами вечно. Хочу, чтобы это было место, где я останусь на всю жизнь, хотелось бы...]

Вместе с этим бормотанием на грудь и живот Бертрама вылилась моча с жутким запахом. Жёлтая и горячая жидкость влажно смочила грудь и живот Бертрама и скопилась, как озеро, в углублении пупка.

Не выражая недовольства этим животным актом, равносильным тому, что метить территории, Бертрам ошеломлённо поднял обе руки и обнял тело Бориса. Борис, как послушная собака, устроившись в его объятиях, потёрся головой о его щёку.

Радуюсь теплу, исходящему от большого существа, и мягкому, но твёрдому ощущению, Бертрам так и уснул, словно потеряв сознание. На его губах была слабая улыбка.

Он так и проспал, словно мёртвый, больше десяти часов.

Это был удовлетворительный сон.

— Хозяин трактира был в ужасе. Какая вообще собака помочилась на одеяло, чтобы был такой запах?

На следующее утро, пока Хербарт, скривившись, высунул голову в окно и делал рвотные

движения, Ахивальд смотрел на Бориса, словно на сумасшедшего. Борис, вернувшийся в человека, с покрасневшимся лицом только опустил голову. Простите, действительно простите. Пока Борис несколько раз повторял эти слова, Бертрам, не находя что сказать, вздохнул.

— За километры собаки узнают, что где-то неизвестный волчонок нагадил, метя территорию. Велели сделать командиру приятно, а с какой мыслью помочился?

— Нет, не злись так. Ты же знаешь, что этот парень в облике волка немного безрассудный...

Хотя так сказал, но на самом деле Бертрам тоже зажимал нос. Честно говоря, на этот раз Бориса поругать - ему нечего сказать в оправдание. Если бы не Эрих, который всё ещё усердно читал заклинания ветра, все, наверное, выбежали бы наружу от запаха спермы и мочи, заполнивших комнату.

— Эрих, вы в порядке? Лицо бледное.

— Как думаешь, нормально ли? Я читаю заклинания, даже нос нормально закрыть не могу. Правда, твой младший брат, обычно очень послушный, а иногда творит такое в странных местах...

Возможно, слишком баловать Бориса не всегда хорошо. Бертрам так подумал и горько улыбнулся.

В любом случае, заказ, пришедший после долгого перерыва, успешно завершён. Похоже, больше не нужно отдыхать в этом городе, так что вскоре лучше собрать вещи и переехать в другой город. Конечно, придётся заплатить компенсацию за то, что испортил нормальную кровать запахом волчьей мочи.

В какой город на этот раз отправиться, размышляя об этом, Бертрам посмотрел в окно. Небо, как всегда, было полно тёмных туч, готовых пролить дождь.

<http://bllate.org/book/15038/1337835>